

Горшков О. Е. К истории народного образования на территории Архангельского уезда в середине XIX – начале XX века // **Изучение и сохранение историко-культурного наследия Русского Севера** : сборник научных статей и материалов Межрегиональной научной конференции с международным участием, посвященной 80-летию профессора А. А. Куратова : [27-30 сентября 2016 г. : 16+] / Федер. гос. автоном. образоват. учреждение высш. образования «Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова» ; [сост.: М. В. Шульгина, В. Г. Трофименко, А. А. Пайзерова ; науч. ред.: М. В. Шульгина]. – Архангельск : КИРА, 2017. – С. 111-121.

*О.Е. Горшков
Музей народных промыслов и ремесел Приморья,
пос. Уемский Приморского района
O. E. Gorshkov
The Museum of folk arts and crafts of Primorye,
Uemskiy village of Primorskiy area*

Аннотация: В статье рассмотрено состояние ряда сельских учебных заведений Архангельского уезда Архангельской губернии (современного Приморского района Архангельской области) середины XIX – начала XX в., выявлены основные проблемы просвещения на Русском Севере, описаны попытки их решения. Рассмотрена роль личности учителя (Законоучителя) в жизни поселения.

Ключевые слова: Светское сельское образование; духовное сельское образование; Архангельский уезд; церковно-приходские школы; Патракеевка; Патракеевское мореходное училище.

Summary: This article examines the life condition of some rural schools of the Arkhangelsk district, Arkhangelsk province (modern-day Primorskiy district of the Arkhangelsk region) from the middle of XIX century till the beginning of XX century. The author detects the main problems of education in the Russian North and describes the attempts to solve them. The role of the individual teacher (the Catechist) in the life of the settlement is analyzed.

Keywords: secular rural education; spiritual rural education; Arkhangelsk uyezd; parochial schools; Patrakeevka; Patrakeeva nautical school.

К ИСТОРИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АРХАНГЕЛЬСКОГО УЕЗДА В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

I

Процессы, происходящие в светском сельском образовании в Архангельском уезде, во многом соответствуют тенденциям в сфере образования, обозначившимся на Русском Севере в целом.

Целью данной работы является освещение некоторых проблем, с которыми столкнулось сельское образование в Архангельском уезде в сер. XIX – начале XX в. и обозначить пути их решения, найденные учителями - энтузиастами своего дела.

Изначально сельское образование явилось результатом просветительской деятельности монастырей и церквей. Известны случаи, когда священники обучали крестьянских детей еще в XV – XVII вв. В XVIII в. стали открываться сельские школы. Здесь учили дьяки, священники и «грамотеи».

Период с 1803 по 1837 г. можно рассматривать как определенную попытку государства организовать образование при церковных приходах, реже сельских обществах, без какого бы то ни было приемлемого финансирования: не оплачивалась покупка учебных пособий, наем помещений и т. д. [13, с. 248-249].

Следующим этапом в развитии сельского образования стал 1837 г., когда Ученому комитету государственных имуществ и Удельному ведомству Высочайшей властью было поручено организовать обучение детей государственных и удельных крестьян для писарских должностей. Обучение велось Закону Божию, чтению, письму, «четырем правилам арифметики и умению считать по счетам», ученики знакомились с российскими весами, мерами, денежной системой. Доверять обучение предполагалось лишь хорошо зарекомендовавшим себя священникам.

Таким образом, в 1840-1843 гг. открывается ряд волостных (удельных, сельских) школ, созданных Палатой государственных имуществ и Удельным ведомством. В Архангельском уезде такие учебные заведения начали работать в Вознесенье, Заостровье, Уйме, Исакогорке, Лисестрове, Кегострове [13, с. 87]. В 1864 г. вышло Положение о народных школах, согласно которому все государственные школы в городе и на селе передавались Министерству народного просвещения [12, с. 93].

Однако для сельских школ Архангельской губернии средства не выделялись, так как она не входила в число губерний, где были дворяне и помещичьи землевладения. Земства здесь не создавались, а сбором денег для этих учебных заведений занимались именно земства [13, с. 249-250].

Архангельская Дирекция губернских учебных заведений искала иные возможности финансирования. В 1868 г. было решено ввести налог на государственных крестьян в пользу учебных заведений. Этот вклад был очень мал [12, с. 91]. С 1875 года в смету сельских школ вводятся суммы из государственной казны на оплату учителей и учебных пособий, но все

хозяйственные расходы (вплоть до строительства или найма здания) ложатся на сельские общины. Считается, что 1884 г. наступает расцвет церковно-приходских школ.

Но и в последующем образование нередко становилось непосильной ношей для крестьян. Например, бобровские крестьяне в своем прошении от 1894 г. говорят о желании открыть ЦПШ: «согласны были бы иметь в своей деревне школу, но как не имеем средств дать квартиру для школы, а полагали бы открыть эту школу в нашей существующей церкви, а посему постановили просить Епархиального Училищного Совета учебных книг и принадлежностей, и учительницу с жалованием от Совета, квартиру для ея согласны дать от общества с прислугой и отоплением...» [1, Л. 11].

С рядом проблем столкнулась и Конецдворская ЦПШ, открытая в 1888 г. Священник Василий Легатов и учительница Евгения Кононова в 1894 г. пишут прошение епископу Архангельскому и Холмогорскому Никанору, в котором сетуют на бедность жителей Конецдворского прихода и неурожайные годы: «/.../ из всех прихожан лишь самая ничтожная часть в состоянии вносить по три рубля за обучение детей своих. Вследствие сего в /.../ школе обучается всего пятнадцать человек, а когда народ был состоятельным, число учащихся доходило до 45 человек». Просьба же состояла в оказании материальной помощи для найма школе помещений, отопления, освещения классов, покупки «классных принадлежностей». Речь шла о взносе этих средств за необеспеченных детей, дети состоятельных родителей были готовы понести упомянутые расходы [1, Л. 25, 25 об.].

В том же году член Епархиального Училищного Совета П. Ильинский ходатайствует о выделении средств на пособия, классную мебель, учебные принадлежности для данной школы, ссылаясь на бедность прихода [1, Л. 21, 21 об.].

Сложности в финансировании могли возникать и в связи с теми или иными церковными реорганизациями. Например, в 1894 г. из Вознесенского прихода выделились самостоятельные Чубола-Наволоцкий и Островлянский приходы. Учительница Чубола-Наволоцкой ЦПШ Анна Евфинова осталась на какое-то время без жалования. Оно выплачивалось Вознесенской церковью, но на протяжении трех месяцев учительница не получала денег. Архангельской духовной консисторией был дан следующий ответ: «В настоящее время Вознесенский приход разросся, с построением церкви в 1-й и 3-й частях прихода, бывших до того времени в составе Вознесенского прихода, и с образованием при них самостоятельных причтов, доходы Вознесенской церкви почти наполовину уменьшаются и получаемая аренда с церковных земель тоже уменьшилась в сравнении с прошедшими годами на 200 рублей /.../, поэтому причт Вознесенской церкви просит духовную консисторию об освобождении Вознесенской церкви от взноса 60 рублей на

содержание учительницы Чуболанаволоцкой церковно-приходской школы». Также упоминалось и о том, что Чубола-Наволоцкий приход достаточно самостоятелен и обеспечен, чтоб нести ответственность за школу Вознесенская церковь была освобождена от необходимости выплат [1. Л. 27, 28 об.].

Другим путем помощи сельским школам были благотворительные взносы. Например, Кальчинская ЦПШ, открытая в 1890 г., располагалась в доме, пожертвованном крестьянином Константином Постниковым. Жители «относились к школе сочувственно», а сам Постников стал ее попечителем [2, Л. 5, 5 об.].

Известно, что в конце XIX в. наемные помещения перестали удовлетворять педагогические коллективы большинства рассмотренных нами школ Архангельского уезда. П.Т. Сеницына также отмечает, что сетований по поводу плохих помещений и холода в учебных комнатах было достаточно как у коллективов ЦПШ, так и министерских училищ. Стоит помнить и о том, что с 1875 г. одним из условий открытия сельского училища было согласие сельского общества построить или приобрести необходимое помещение [12, с. 107].

Видимо, по этому пути пошло Тойнокурское сельское министерское училище Рикасовской волости. Здесь учебное заведение с 1890 по 1917 г. функционировало в качестве церковно-приходской одноклассной школы. В 1917 г. оно было преобразовано в министерское училище («сельское МНТ училище»), однако до сих пор находилось в наемном помещении (в наличии было всего одно классное помещение). Учительница Валентина Соколова жаловалась: «Наемное школьное помещение как настоящее, так и вновь нанимаемое очень неудобны, почему крайне необходимо достроить школьное здание» [3, Л. 1, 2 об.].

Учительница и законоучитель священник Евгений Пономарев предлагали поэтапный план решения задачи. Здесь просматривается влияние последних лет Первой мировой войны на повседневную жизнь русского села: «В наступающем новом учебном 1918 году необходимо достроить здание училища, начатое постройкой в мае месяце 1916 года, но по причине военного времени и большой дороговизны в рабочих руках остановленное. Здание училища вчерни вырублено и закрыто железной крышей; доски на полы напилено для потолковых ниш; лесной материал для колод оконных и дверных /.../ подготовлен» [3, Л. 2 об.].

Также педагогический коллектив счел необходимым сообщить, что некоторая часть суммы, выданной Училищным Епархиальным Советом для постройки училища была «выдана взаимобразно прихожанам Тойнокурского прихода», но к 1918 г. будет возвращена [Там же].

Стоит подчеркнуть, что случай невыполнения условий перехода учебного заведения в ранг министерского сельским обществом не уникален: в Архангельской губернии «в 1916 году среди министерских училищ в собственных зданиях 32% училищ, остальные в наемных, мало приспособленных зданиях» [13, с. 108].

Отметим, что арендованных комнат как в Федоровской, так и в Малынчевской деревнях Уемской волости также оказалось недостаточно для учебного процесса. Учительница Таисия Голованова из Малынчевского (Уемского) сельского училища пишет в отчете: «Желательно иметь собственное помещение, увеличить состав народной библиотеки, а также желательно было бы приобрести для школы наглядные пособия» [3, Л. 1, 2 об.].

Помещение Бобровского училища «имело все неудобства»: было «малопоместительное, без вентиляции, низкое» [4, Л. 101 об.].

«При пятидесяти с лишком учащихся желательно было бы иметь два комплекта учащихся и приспособить для сего помещение», – пишет заведующая Ширшеминским училищем С. Серебрякова [3, Л. 18об.]. Хотели собственное здание и в Спасоприлуцком училище [4, Л. 74об.]. Учитель и законоучитель Большекарзихинского училища просил о кухне, смежной с комнатой учителя [3, Л. 24 об.].

Даже в достаточно обеспеченных всем необходимым Рикасовских мужском и женском министерских училищах были свои пожелания и недовольства (они идентичны): «Относительно помещения желательно, чтобы в классных комнатах было выше, а окна в них больше, чтоб полы в классных комнатах были крашеные. Чтоб отхожее место находилось не так близко к жилым помещениям, чтоб была при училищах сборная комната совершенно отдельная от классов...» [3, Л. 4 об.].

«Желательно приобрести новые парты и произвести ремонт в здании училища», – отмечают учительницы Конецдворского учебного заведения, не хватало парт и в Коскогорском училище [3, Л. 53 об.; 4, Л. 83 об.].

На сегодняшний день нами выяснено, что к 1917 г. из рассмотренных нами учебных заведений уезда собственное помещение имели: Конецдворское сельское училище, Рикасовское мужское и женское министерские училища [3, Л. 8, 30].

Арендовали помещение: Малынчевское (Уемское), Федоровское, Княжестровское, Лявленское, Спасоприлуцкое, Коскогорское, Конецгорское, Бобровское, Большекарзихинское сельские училища, Тойнокурское министерское училище (с перспективой постройки своего здания) [3, Л. 11,

20; 4, Л. 57, 62, 67, 76, 85, 94].

Ширшеминское сельское училище находилось «в церковном доме бесплатно» [3, Л. 11].

В большинстве училищ были нарушены правила гигиены, отсутствовало тепло, нарушены требования к кубатуре помещений. 93,5% классных помещений губернии были в плохом состоянии, но в текущих социальных условиях это было приемлемо [12, с. 108, 109].

Отмечается, что подготовка учителей к концу XIX в. была значительно выше, нежели в его первой половине. Большая часть министерских училищ располагала учителями с профессиональной подготовкой – от 8-х классов гимназии, двухгодичных учительских курсов, учительских семинарий до Санкт-Петербургского учительского института. Известно, что Учитель Островлянского образцового церковно-приходского училища, выпускник Духовной семинарии Василий Парфенович Богданов в 1912 году был удостоен серебряной медали для ношения на Александровской ленте [12, с. 110].

К 1917 году профессиональным образованием учителей начальных классов школ считалось окончание 8-го класса гимназии или 7-го класса епархиального училища (лишь наиболее одаренные из них становились хорошими учителями) [12, с.117].

II

В условиях сельской школы очень многое зависело от личности учителя, его способности убедить руководство в необходимости тех или иных отчислений, объяснить детям и родителям необходимость образования, способности жертвовать свои силы и материальные средства. Примером того, сколь многое на селе зависело от учителя, является Патракеевская волость.

Одним из главных учебных заведений волости являлось Патракеевское двухклассное сельское училище. Оно было открыто в 1849 году в д. Кушкушара Патракеевской волости, 1 июля 1903 г. преобразовано в министерское, а в 1917 г. становится двухклассным. Здесь учились дети из Кушкушарской, Патракеевской, Прилуцкой, Верховской, Кадской деревень. Здание училища было общественным, учащиеся располагали двумя классными помещениями. Каждому из трех учителей полагалась своя комната.

Далеко не во всех сельских учебных заведениях Архангельского уезда, рассмотренных нами, велись занятия по рукоделию, здесь же они были. Также Патракеевское училище – единственное из подобных учебных

заведений, исследованных здесь, использовало для занятий «волшебный фонарь» (аппарат для проекции изображений) [4, Л. 16 об.].

Если одноклассное сельское училище чаще всего имело в своем штате законоучителя и учителя (учительницу), то двухклассное учебное заведение располагало большим количеством сотрудников. К 1917 г. здесь работало три учителя. Священник и сын священника Аркадий Степанович Смирнов, окончивший курс в Духовной семинарии, преподавал ранее в Кемском уезде и согласно телеграммы штаба Петроградского Округа в 1917 г. был освобожден от воинской повинности уже в качестве патракеевского учителя. Он же являлся заведующим училища [4, Л. 17, 20 об.].

Также преподавали две дочери священников: Клавдия Андреевна Попова, окончившая Архангельское Епархиальное училище, и Мария Александровна Капорская, окончившая Архангельское Епархиальное женское училище. Клавдия Андреевна преподавала только в Патракеевке, а Мария Александровна была учительницей в 1909-1911 гг. в Куликовском училище Тарнянской волости Шенкурского уезда [4, Л. 17 об.].

В 1917 г. для училища выписывалась следующая периодика: журналы «Природа и люди», «Вестник воспитания», газеты «Архангельск» и «Воля Севера». Учебное заведение располагало такими наглядными пособиями как коллекция хлопка и земледельческих орудий [4, Л. 20 об.].

На территории Патракеевской волости с 1896 г. существовала Куйская (церковная) школа грамотности, именуемая к 1917 г. Куйским начальным училищем. Школа находилась в ведении Архангельско-Онежского уездного отделения епархиального училищного Совета.

Законоучителем в ней был священник Никандр Михайлович Томилин. В 1883 году он окончил курс в Архангельском Духовном Училище, 1884 г. специально обучался церковному пению и игре на скрипке при Архангельской Епархии, 1894 г. сдал Богословский экзамен при Архангельской духовной Семинарии, 1890-1891 гг. обучал пению в Шенкурской церковно-приходской школе, в 1892-1894 гг. обучал Закону божию в одной из ЦПШ уезда. С 1896 г. Никандр Михайлович Томилин – заведующий, законоучитель и учитель в Куйской школе грамоты, по назначению директора народных училищ в 1908 г. производил экзамены в Патракеевском народном Училище (сельском училище) в качестве председателя. В 1901 г. в школе учились 14 человек (мальчики и девочки), к 1908 г. – 5 мальчиков. Школа располагалась в квартире священника. Судя по отчетам, положение дел в учебном заведении устраивало всех [5, Л. 22, 23; 6, Л. 1, 2, 2 об.].

Отдельного внимания заслуживает Мудьюжская женская школа

грамоты, находившаяся в ведении Архангельско-Онежского уездного отделения Епархиального Училищного Совета. Учебное заведение располагалось в д. Верховье Патракеевской волости. Его появление – результат инициативы жителей поселений. Жена местного псаломщика Анна Михайловна Попова (в девичестве) «с сентября 1901 года с благословения его преосвященства занялась обучением девиц». До января 1902 г., когда ей назначили государственное жалование, она взимала с учениц плату по 1 р. в месяц с каждой. За свой счет она снимала квартиру для занятий. Т.е. взимание платы с учениц было вынужденной мерой, деньги же за помещение впоследствии выплачивал приход. Не было классной мебели, отсутствовало удобное помещение для школы и учительницы. Учебные занятия в 1902 г. прекратились 6 апреля (досрочно) ввиду того, что хозяйка квартиры отказала в предоставлении помещения. И все же составители отчета считали эти трудности временными: предполагалось, что с осени 1902 г. сельское училище преобразуется в министерское с женским отделением на 60-80 человек. Как отмечалось ранее, министерским учебное заведение стало 1 июля 1903 г. [5, Л. 12, 12 об., 15].

Известно, что в волости в этот период функционировала Мудьюжская церковно-приходская школа (возможно, ставшая впоследствии начальным училищем, а ранее являющаяся школой грамоты), где с 1911 по 1917 г. была учительницей упомянутая выше Мария Александровна Капорская [4, Л.17 об].

На сегодняшний день исследователями достаточно хорошо описана Патракеевская двухклассная мореходная школа, история которой началась с открытия мореходного класса в 1874 г. Далеко не везде, где бы этого хотелось жителям, смогли открыть подобное учебное заведение. Образование в Патракеевке, несмотря на понимание его необходимости и поддержку государства, – дело рук энтузиастов. Михаил Герасимович Козлов, первый заведующий Патракеевского мореходного класса, сделал очень многое для формирования полноценного учебного заведения: были закуплены «азимут и пель-компасы; секстан с искусственным горизонтом; морской барометр и бинокль; термометр; циркули; транспортиры; склянки (морские часы); механический лаг; полухронометр; часы обыкновенные; глобус; искусственный магнит; лекала для черчения корабельных членов; теоретические чертежи 2- и 3-мачтовых шхун; стенные географические карты; специальные атласы и книги» [11, с. 118]. Он же в 1875 году хлопотал о выписке книг приборов и географических карт. Одним из свидетельств этой заботы являются сохранившиеся поныне учебник «Теория и практика кораблестроения» и атлас чертежей и рисунков судов с печатью Патракеевского мореходного класса [10].

Перу Василия Васильевича принадлежит еще одна весьма интересная книга из Патракеевской мореходной школы – учебник по алгебре,

тригонометрии и астрономии [8], написанный, по всем признакам, специально для данной мореходной школы.

Как следует из документов, общему уровню грамотности учащихся также уделялось достаточное внимание: в программу испытаний на штурмана каботажного плавания включены «внятное и беглое чтение, связный рассказ», «правильное, по возможности, изложение своих мыслей на бумаге с избежанием грубых грамматических ошибок» [7, Л. 202-207].

В отчетах большинства рассмотренных здесь учебных заведений Патракеевской волости фигурирует имя священника Андрея Флегонтовича Попова. Этого незаурядного человека до сих пор помнят жители Патракеевки.

Андрей Флегонтович Попов родился в 1871 г. в д. Верховье Патракеевской волости в семье дьякона храма Успения Богородицы Флегонта Андреевича Попова. О. Андрей окончил с золотой медалью Архангельскую духовную семинарию, где проработал с августа 1892 г. по сентябрь 1894 г. надзирателем и учителем. После был направлен в Заостровский приход, рукоположен в иерея Заостровской Сретенской церкви. С 1896 по 1901 г. был заведующим и законоучителем Заостровской второклассной ЦПШ. В декабре 1901 г. получил «Благословение Его Преосвященства с вручением грамоты». Женился на Александре Петровне Варфоломеевой 1868 г.р. [5, Л. 13, 15].

В 1901 г. о. Андрей был направлен на родину, где стал законоучителем в сельском училище. С 1904 г. – также законоучитель в Патракеевской двухклассной мореходной школе. С 1911 г. совмещал с должностью заведующего и законоучителя Мудьюжской ЦПШ. О. Андрей ратовал за женское образование, был одним из инициаторов открытия Мудьюжской женской школы грамоты (церковной школы) в 1901 г. и ее заведующим [4, Л. 17].

Одна из старожилов поселения Лидия Никифоровна Кокорина рассказывала сотрудникам Музея народных промыслов и ремесел Приморья (МНПиРП) (сентябрь 2015 г.), что, по воспоминаниям ее матери, Бурковой Павлы Дмитриевны, церковная библиотека была весьма богатой. Это подтверждается и другими источниками: «В 1916 году о. Андрей отдал свой жилой дом, принадлежащий церкви, под народную читальню, а с ним и часть книг своей библиотеки. А библиотека у о. Андрея была богатейшая. Кроме церковной литературы в ней имелись собрания сочинений русских и зарубежных классиков, множество журналов и газет» [9, с. 29, 30]. В семье священника любили читать.

Лидия Никифоровна подчеркнула, что благодаря о. Андрею ее «мама кончила семь классов, одна из семьи, потому что отец на сорок втором году

жизни умер – прямо в море и похоронен он. /... / когда отец умер, маме было всего 5 или 6 лет /.../. Младшие две сестры (тетка Раська и тетя Дуся) ходили по деревне и собирали милостыню». Семья Поповых жила неподалеку, они взяли девочку нянькой. «У него у самого пятеро детей: три сына и две дочери /.../. Научилась читать, писать. Говорит: “Ребенка качаю, отец Андрей занимался со своими детьми...”». Известно, что в 1901 г. Поповы поселились в доме притча в д. Верховье. Судя по указанной информации, речь идет о 1912-1913 гг., а ребенок – младшая дочь Поповых Акулина. «Мама кончила церковно-приходскую школу. Затем батюшка пришел к маме и сказал: “Ульяна Петровна, Палька у тебя вундеркинд, надо учиться дальше /.../”. А бабушка сказала: “Какое там дальше, мы с голоду/.../”. И вот этот поп платил маме за учебу. Она по покойникам читала (псалмы), потом она очень хорошо ткала полотно, половики, что-то еще такое делала /.../. В школу ходила в обносках: один серый валенок стоптанный, другой – черный, а батюшка платил до седьмого класса. Она на пятерки одни кончила школу. Ребята остальные «хороводятся», а мама им домашнее задание делала. Она одна из семьи выучилась. Мама даже на клиросе пела первым голосом (до революции)».

Также о. Андрей знал латинский, греческий, немецкий, французский языки. Занимался фотографией, «единственный в Патракеевке имел личный фотоаппарат» [9, с. 29].

В целом, можно сказать, что сельская школа как социальное явление становилась своеобразным очагом культуры, и там, где преподаватели занимали активную социальную позицию, результаты их деятельности были весьма заметны. Во многих населенных пунктах при училищах работали библиотеки, доступные жителям. Сельское образование в середине XIX – начале XX в. поддерживалось государством, осознававшим его необходимость, однако положительный эффект для жителей это давало лишь в том случае, когда инициатива была поддержана заинтересованными лицами.

Список литературы

1. ГААО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 315.
2. Там же. Д. 438.
3. ГААО. Ф. 61. Оп. 2. Д. 59.
4. Там же. Д. 64.
5. ГААО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 730.
6. Там же. Д. 1078.
7. ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 606.
8. Заборщиков, В. В. Алгебра, тригонометрия и астрономия в пределах программы мореходных классов / В. В. Заборщиков. – М. : Типолитография И.Н. Кушнерева и Ко, 1884. – 228 с.

9. Захаров, В. А. Надежды праведная нить / В. А. Захаров. – Архангельск, 2013. – 308 с.
10. Окунев, М. М. Теория и основания практики кораблестроения / М. М. Окунев. – СПб. : Типография морского министерства в главном адмиралтействе, 1866. – 285 с.; Яковлев, Ф. Чертежи и рисунки морских судов / Ф. Яковлев. – СПб. : Литорафия р. Гундризера, 1863. – 66 с.
11. Попов, Г. П. Мореходы Зимнего берега / Г. П. Попов, А. А. Семьин, Г. Д. Бурков. – Екатеринбург : УрО РАН, 2007. – 395 с.
12. Сеницына, П. Т. Развитие народного образования на Европейском Севере (досоветский период) учебное пособие / П. Т. Сеницына ; Помор. междунар. пед. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Архангельск : Поморский международный педагогический университет имени М. В. Ломоносова, 1996. – 142 с.
13. Щуров, Г. С. Очерки истории культуры Русского Севера, 988 – 1917 / Г. С. Щуров. – Архангельск : ОАО «ИПП Правда Севера», 2004. – 522 с.